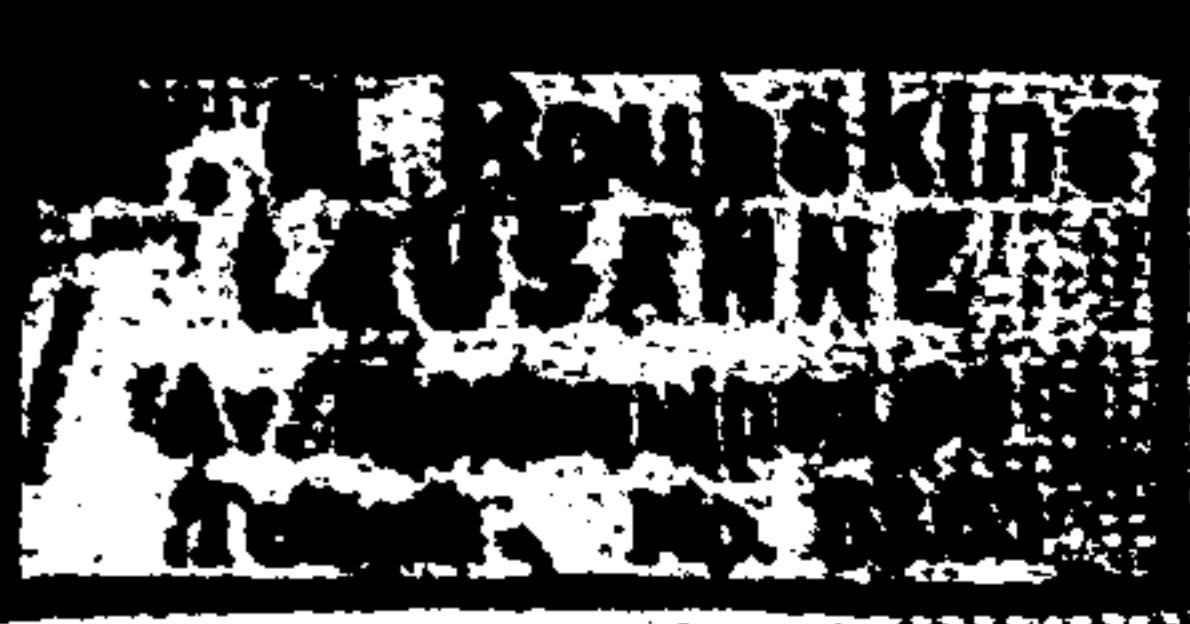

P5 $\frac{14}{306}$

В. В. РОЗАНОВЪ.

Темный Лицъ

МЕТАФИЗИКА ХРИСТИАНСТВА

**С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1911.**

ТЕМНЫЙ ЛИКЪ.

801-90

В. В. РОЗАНОВЪ.

16664-4

Р
[Библиотека]

ТЕМНЫЙ ЛИКЪ.

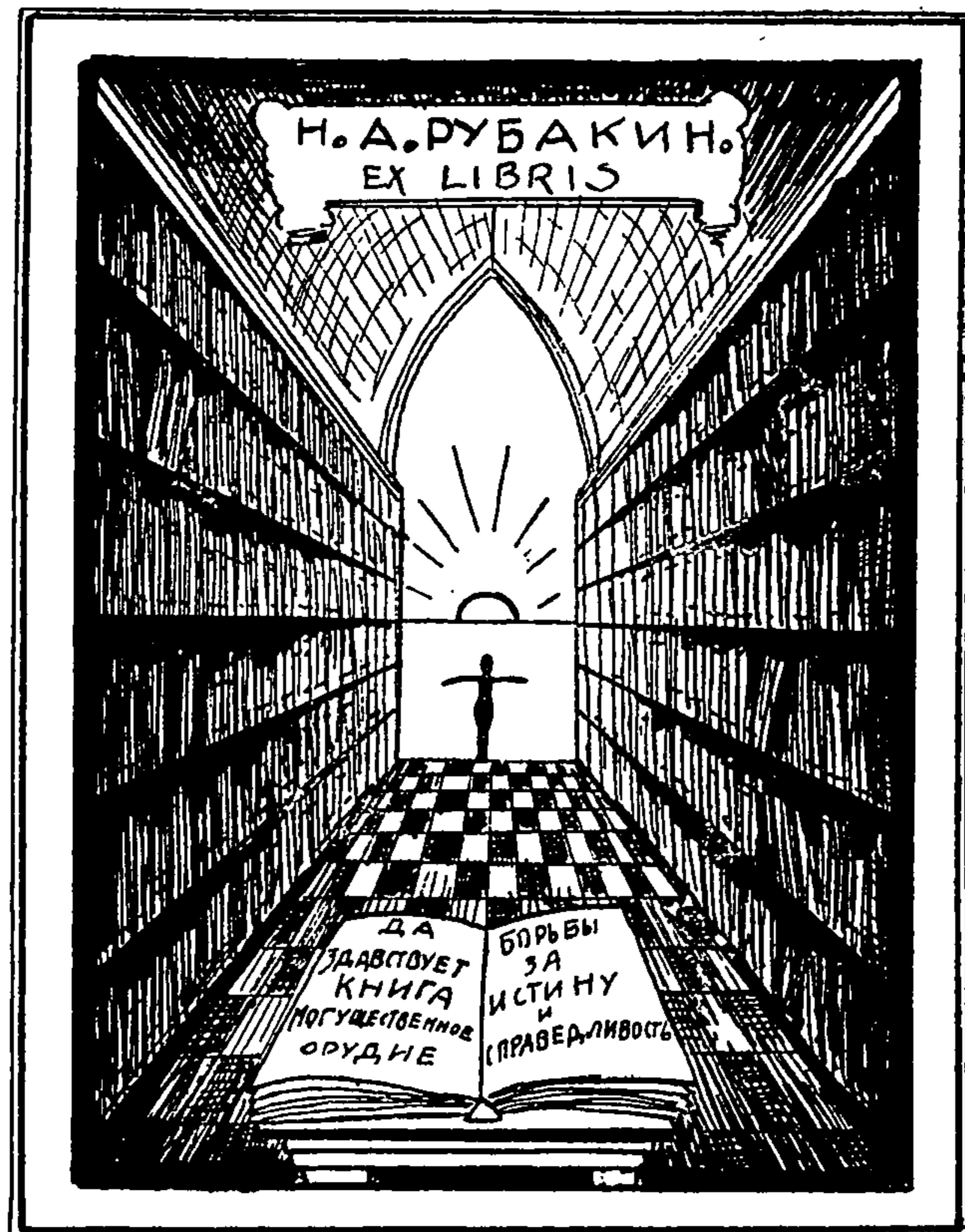
МЕТАФИЗИКА ХРИСТИАНСТВА.

31169

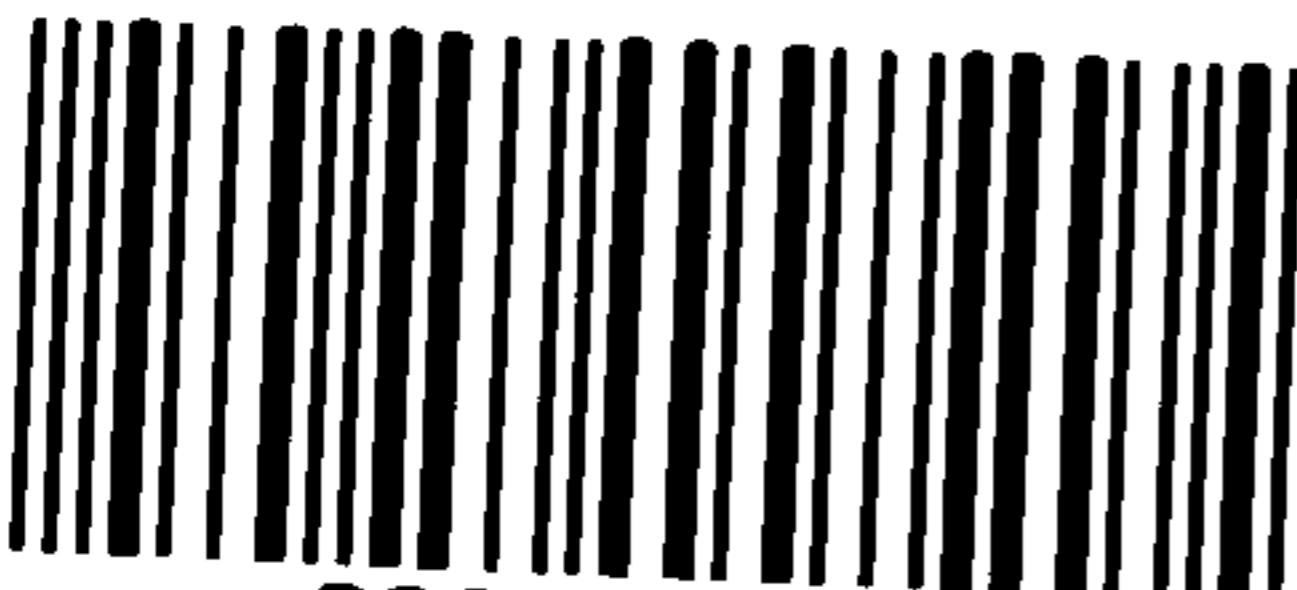
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1911.

ГУСУ - ЗАСЛУЖЕННЫЙ
СРАД - БИБЛИОТЕКА
БИБЛИОТЕКА № 189
г. В. М. ТЕРНОВ

840.81-48

Тип. Ф. ВАЙСБЕРГА и П. ГЕРШУНИНА, Екатерин. кан., 71—6.

2007041636

СОДЕРЖАНИЕ.

СТР.

Предисловіе	VII—XV
Трепетное дерево	1
По тихимъ обителямъ	5
Святость и смерть	61
Христосъ и „богатый юноша“	67
Случай въ деревнѣ	74
Черточка къ черточкѣ	99
О случѣ самосожженія	101
Чтò увидѣлъ неоенитъ	102
Церковь-наставительница	104
Церковь-благотворительница	106
На соборномъ служениіи	108
Около церковнаго сердца	110
„Дѣти діавола и ихъ проповѣдь свободы“	116
„О правдѣ небесной и правѣ земномъ“	124
Православные и католическіе Святые о церков-	
ныхъ истинахъ	125
Судъ надъ мертвymi	126
Народный опросъ	131
Нравоучительная книга	132

	СТР.
Куполъ храма	147
Голгоѳа и крестъ	149
Нужда въ скорби	149
Эстетика мрачнаго	159
Самосожженіе	160
Въ печали и страхѣ	163
Русскія могилы	166
I Природа	166
II Люди	173
III Судьба	178
IV Заключеніе	247
Свѣча въ храмѣ	285
„Бородатыя Венеры“ древности . . .	287
Подвижники ранняго христіанства .	295
Люди третьяго пола	312
Наибольшее половое притяженіе	345
Умѣренныя степени полового влеченія	359
Линія безразличія въ полѣ	378
Муже-дѣвы и ихъ ученіе	389
Передвиженіе пола изъ положительныхъ въ отрица-	
тельныя величины	427
Самоотрицанія пола	451
О преподобномъ Моисеѣ Угринѣ	452
Темный ликъ	479
Христосъ—Судія міра	481
Объ Іисусѣ Сладчайшемъ и горькихъ плодахъ	
міра	506
Вместо послѣдовія	523
Тревожная ночь	525
Приложеніе	
Чинъ исповѣданія инокамъ и инокинямъ (вопросы	
и отвѣты). Извлеченіе изъ славянскаго руко-	
писнаго Требника съ переводомъ на русскій	
языкъ.	

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ КНИГЪ „ВЪ ТЕМНЫХЪ РЕЛИГІОЗНЫХЪ ЛУЧАХЪ“.

Это еще что за „*темные* лучи?“... „развѣ они *бываютъ?*“ спросить читатель, взглянувъ съ недоумѣніемъ на заглавіе книги... Да, читатель—они и въ *физикѣ* есть. Правда, долго считали, что изъ Солнца исходитъ только тотъ *бѣлый свѣтъ*, съ помощью котораго мы все видимъ вокругъ. Но вотъ его разложили призмою. Получился спектръ, тотъ известный рядъ полосъ—желтой, красной, синей, фіолетовой и т. д.,—который мы наблюдаемъ въ радугѣ, когда солнечный лучъ преломляется въ капляхъ падающаго дождя, или на стѣнѣ комнаты, позади стеклянной призмы, поставленной на пути солнечнаго луча... Казалось — „все“. Свѣтъ, представлявшися намъ „бѣлымъ“, состоить изъ семи цвѣтовъ. Но прошло и это время... За однимъ „казалось“ выступило другое „кажется“. Когда за границею крайней фіолетовой полоски спектра начали ставить разные растворы, то увидѣли, что они подвергаются сильнѣйшему дѣйствію „чего-то“, что уже не было ни свѣтомъ, ни цвѣтомъ.

Это—*темные* лучи Солнца, безсвѣтные, безцвѣтные... Приводящіе въ движеніе химическія вещества, соединяющіе одни изъ нихъ, раздѣляющіе другія; убивающіе жизнь, возбуждающіе жизнь. Они также стремятся линейно, какъ всякий лучъ, и вообще суть подлинные лучи: но не свѣта, дѣйствующіе на глазъ, а какіе-то другіе... и всего скорѣе—это лучи просто *енергii, силы...*

Они *есть*,—и здѣсь мы могли-бы кончить объясненіе съ читателемъ, на сколько онъ недоумѣваетъ о заглавіи книги. Но хочется продолжить.

Отъ того великаго Солнца, духовнаго Солнца, которое взошло надъ человѣчествомъ 2.000 лѣтъ назадъ,—также несутся споны свѣта, „при помощи котораго мы все видимъ вотъ уже 2.000 лѣтъ“... И вообще всегда считали этотъ свѣтъ „простымъ и бѣлымъ“... Но разложеніе его уже давно началось. Всѣ давно догадываются, что онъ не такъ простъ, какъ кажется. Монастыри,—что такое они какъ не *грусть*, какъ не *уединеніе человѣка отъ человѣка?* Откуда это, если свѣтъ совершенно „бѣлъ и простъ“? Грусть человѣка... печаль человѣка: всякий почиваетъ, что едва мы произнесли это, какъ назвали главное христіанское чувство, безъ котораго нѣть его, нѣть безъ этого чувства христіанина. „Веселый христіанинъ“—это такое-же *contradictio in adjecto*, какъ „круглый квадратъ“. Вотъ загадка, или, лучше сказать, введеніе къ загадкамъ...

Явно, что свѣтъ христіанства вовсе не „простой и бѣлый“. Откуда-же меланхолія? Откуда любовь къ пустынѣ, къ уединенію? Откуда столпъ всего въ немъ, монастырь? Позвольте, развѣ есть христіанинъ безъ таланта слезъ? „Боже, дай мнѣ *слезный даръ*“—молитва пустынь и людей пустыни, которые все разработали въ христіанствѣ, все утвердили въ христіанствѣ. До очевидности ясно, что свѣтъ, „при помощи котораго мы все видимъ“, вовсе не бѣлый и ужъ въ особенности не простой, а какъ-то *окрашенный* и необыкновенно сложный... До неисповѣдимости, до неизслѣдимости...

Какъ окрашенный? И что *вокругъ* этихъ лучей, *далъше,—за ними?* Природу великаго Духовнаго Солнца мы можемъ сколько-нибудь постигнуть, перейдя отъ трю-

IX

изма о его свѣтѣ—„простой и бѣлый”—къ изслѣдованию невидимыхъ частей христіанского спектра. Въ тайнѣ слезъ христіанскихъ содержится главная тайна христіанского дѣйствія на міръ: ими преобразовало оно исторію. Не бичами, не кострами, не тюрьмами: все это—бес силіе тѣхъ, кто не умѣлъ плакать. Инквизиція—конецъ христіанства, тюрьма—ниспроверженіе его. Нѣть, не здѣсь его центръ.

Центръ—прекрасное плачущее лицо.

„Hoc victor eris“—„симъ ты будешь побѣждать“.

Западное христіанство, которое боролось, усиливалось, наводило на человѣчество „прогрессъ“, устраивало жизнь человѣческую на землѣ,—прошло совершенно мимо главнаго Христа. Оно взяло слова Его, но не замѣтило *Лица* Его¹⁾. Востоку одному дано было уловить Лицо Христа... И Востокъ увидѣлъ, что Лицо это—безконечной красоты и безконечной грусти. Взглянувъ на Него, Востокъ уже навсегда потерялъ способность по-настоящему, по-земному радоваться, по-просту—быть веселымъ; даже только спокойнымъ и ровнымъ. Онъ разбилъ въ дребезги прежнія игрушки, земная недалекія удовольствія,—и пошелъ, плача, но и восторгаясь, по линіи этого темнаго, не виднаго никому луча, къ великому источнику „своего Свѣта!“...

...„мой свѣтъ“! ...„родной нашъ Свѣтъ“.

Только съ русскимъ народомъ, съ русскимъ пустынникомъ Христосъ „уродился“: на Западѣ же Его лишь „знаютъ“. Разница большая. Да, русскій народъ въ пе-

¹⁾ Любимое католическое изображеніе Христа, какъ *измученнаго борца*, по лицу и тѣлу котораго текутъ капли и струйки крови—непонятно Востоку, недопустимо на Востокѣ, отвратительно для Востока.

X

чали: но эта печаль до того ему сладка, до того ему родна, что ея онъ не промѣняетъ ни на какія веселости...

* * *

Пробовали (и пробуютъ) соединить христіанство съ соціализмъ: нѣтъ большей противоположности! Соціализмъ—весь въ крѣпкой увѣренности о землѣ. Христіанство-же есть полная безнадежность о всемъ земномъ! Соціализмъ — хлѣбенъ, евангеліе — безхлѣбно. Соціализмъ—день, когда всѣ предметы имѣютъ точные свои размѣры и точный свой видъ: христіанство-же все—ночь („се Женихъ грядеть въ полуноци“), когда предметы искажены, призрачны, не видны въ реальныхъ очертаніяхъ, и зато пріобрѣтаютъ громадныя фантастическія формы. Безъ мечты и сновидѣнія и безъ *присутствія въ человѣкѣ сновидящихъ способностей*—христіанства не было бы, и оно было-бы невозможно. Оно все зиждется на *не-реальному, сверхъ-реальному* въ человѣкѣ: отнимите его—и христіанства нѣтъ!

Соціализмъ-же весь борется противъ этого сверхъ-реального: оперировать его у человѣка—*суть* его! Какъ же они слились-бы, соединились? Говорить это можно было только до обращенія вниманія на „темные лучи“ въ христіанствѣ, которые лежатъ позади „видимаго спектра его“; пока думалось, что такъ-какъ „христіанство есть бѣлый простой свѣтъ“ *благо-желательности къ человѣку*, и соціализмъ также есть „бѣлый простой свѣтъ“ *благо-дѣятельности*, то отчего-же бы имъ и не „совпасть“? „Оба желаютъ *добра человѣку*“...

Да.

Но соціализмъ хочетъ сытаго человѣка,—у котораго трудъ, и сонъ безъ сновидѣній.

Христіанство прежде всего хочетъ сновидѣній; оно хочетъ плачущаго человѣка, любящаго свою печаль. Разница—въ кориѣ вешей, и—неизмѣримая.

* * *

Книга эта печаталась въ теченіе болѣе, чѣмъ трехъ лѣтъ; и уже два года назадъ, въ отвѣтъ на запросы читателей, когда-же появится обѣщанное въ предисловіи къ книгѣ „Около церковныхъ стѣнъ“—другое и болѣе глубокое изслѣдованіе христіанской религіи,—я черезъ письмо въ редакцію „Нов. Времени“ увѣдо-милъ, что эта книга выйдетъ въ *непродолжительномъ* времени. Однако, подборъ къ ней матерьяла занялъ много времени: надо было взвѣшивать и вывѣрять не только слова, но и *тонъ* каждой страницы. Кстати: на оберткѣ, гдѣ хранился этотъ матерьялъ, стояла моя помѣтка для памяти: „*Послѣ ариѳметики*“. Въ умѣ я держалъ: „*Около церковныхъ стѣнъ*—это ариѳметика; это—то *простое и ясное* въ христіанствѣ, тотъ *бѣлый лучъ* прямой благожелательности, какой всѣ видятъ въ немъ до встрѣчи съ обстоятельствами, играющими въ отношеніи его роль разлагающей призмы“. Призма раздѣляетъ его на два цвѣта: бѣлое христіанство—символи-зируемое *бѣлыми ризами* духовенства (во время цер-ковной службы), *бѣлымъ духовенствомъ*—семейнымъ и не отдѣленнымъ отъ міра, и множествомъ другихъ болѣе мелкихъ явлений; и второй цвѣтъ, который по цвѣту монашескихъ одеждъ, его символизирующихъ—можно назвать *темнымъ, чернымъ* христіанствомъ. „Чер-ное духовенство“, „монашество“—къ этому привыкъ нашъ слухъ. Наконецъ, и это въ особенности важно: среди чернаго духовенства встрѣчаются лица до того

XII

жизнерадостнаго и веселаго, я-бы сказалъ — свѣтлаго и легкаго (не въ дурномъ смыслѣ) настроенія—что при встрѣчѣ хочется обняться съ ними.

Достоевскій въ старцѣ Зосимѣ далъ великій, идеальный его образецъ. Онъ очень многихъ увлекъ, и „для пользы дѣла“ можно согласиться съ тѣмъ, что старецъ Зосима выражаетъ *суть христіанства*. Но на самомъ дѣлѣ, конечно, это не такъ: онъ выражаетъ до-христіанскій, первоначальный *натурализмъ*, то „поклоненіе природѣ“, „поклоненіе всему“ (пантеизмъ), съ проклятиемъ чего начало христіанство, что „срубить до корня“ уже пришелъ Іоаннъ Креститель. Нѣть строя души, болѣе *противоположнаго христіанству*, чѣмъ душевный покой и душевная свѣтлость Зосимы, исключающіе нужду во Христѣ... Зачѣмъ Христу приходить, если *все* радуется на землѣ, *все* счастливо, безмятежно, прекрасно „само собой“... Нѣть, Достоевскій тутъ просто ничего не понялъ; „бѣ въ языческой тьмѣ“. У него только фразеология, только „причитанія“ христіанскіе... Не Зосимы, вовсе не Зосимы побѣдили древній міръ. Побѣдили его другіе. Кто? Плакавшіе о мірѣ, а не улыбавшіеся въ мірѣ. И среди бѣлага духовенства, священниковъ, наконецъ даже среди мирянъ — встречается совершенно другой *тонъ* христіанства, уже не „отпускающей ближнему такъ скоро вину его“. Совсѣмъ другой тонъ, о, до чего другой...

Изслѣдованію-то этого „другого тона“ и посвящена моя настоящая книга. Она вся движется въ невидимомъ, мало ощутимомъ. Я называлъ ее мысленно отдельомъ „послѣ ариѳметики“, — „логарифмами“ христіанства. Но теперь мнѣ приходитъ на умъ лучшее название. Лейбницъ и Ньютонъ открыли въ математикѣ „безконечно малая“, „текущія“ (измѣнчивыя) величины,

XIII

„флюксій“ (терминъ Ньютона)... Вотъ это имя вполнѣ подходитъ къ настоящей книгѣ, выражаетъ все ея существо, ея мысль и тему. Какимъ образомъ христіанство, столь къ человѣку благожелательное, однако пришло къ инквизиції? Явно, что здѣсь скрыта цѣль „флюксій“, „перемѣнныхъ безконечно малыхъ величинъ“, „дифференціаловъ“: ибо вѣдь *перелома* изъ „да“ въ „нѣть“, перелома въ убѣжденіяхъ, въ вѣрѣ, въ идеалахъ мы *при этомъ нигдѣ не наблюдаемъ!* Вѣ этомъ-то все и дѣло, что *разлома нѣтъ!!* Нельзя сказать, *исторически не было*, чтобы католики 1.000 лѣтъ „гладили по головѣ“, — но потомъ „начали жечь: и вотъ **тогда** произошла реформація“!! Ничего подобнаго!!! Никакого перелома, реформаціи, бури: тихое вѣяніе... Вѣеть, вѣеть, гладить волосы, сладко, съѣдобно, вѣеть, опять вѣеть, горечь, опять сладко, еще слаше, вѣеть, вѣеть, чей-то раздался стонъ, но все замерло, вѣеть, вѣеть, выпали гвоздики, выпали иголочки, кого-то укололи, смертельно, вѣеть, вѣеть, хорошо-ли дурно-ли, все мѣшается, все непонятно уже, вѣеть, вѣеть...

Такъ до нашего времени.

Инквизиція вошла въ Церковь „дифференціалами“, а не простымъ „дѣленіемъ, умноженіемъ“, не ариометическими дѣйствіями. Если-бы она пришла „дѣленіемъ“, произошла-бы реформація: и тогда никакого вопроса не было-бы, не зачѣмъ было-бы писать этой книги. Но... *никто не замѣтилъ ся (инквизиціи)!!!* Когда тѣ пять-шесть кардиналовъ, которые постановили „сжечь“ и дѣйствительно „сожгли“ кого-то,—то никому рѣшительно не пришло на умъ спросить, не „впали-ли они въ ересь“? „не отдельились-ли намъ отъ нихъ“.

Отдѣлились-бы—была-бы „ариѳметика“, никакого вопроса не было-бы. Но въ томъ и суть, что *никто отъ нихъ не отдѣлился*, и они сами считали и чувствовали себя со всѣми слитыми,—съединенными со всѣмъ христіанскимъ міромъ, вѣрными ему, служителями его... Т.-е. въ кардиналовъ вошли нѣкоторые „флюксіи“, темные незамѣтные лучи подлинно христіанства-же, но обычно незамѣтные, да и... зачѣмъ замѣтить? Замѣтить тотъ, „до кого дойдетъ очередь“... Быются въ спорахъ въ наше время напр. протоіерей Свѣтловъ изъ Киева, профессоръ университета и „все знающій“ (въ богословії), и тоже „все знающій въ богословії“ архіеп. Антоній Волынскій: но арх. Антоній—„съ флюксіями“, а прот. Свѣтловъ — безъ флюксій. Архіеп. Антоній знаетъ, вѣрнѣе—ощущаетъ болѣшій объемъ христіанства, онъ знаетъ и то, что за „свѣтлыми бѣлыми лучами“, а отъ прот. Свѣтлова это совершенно скрыто. Но вотъ тайна исторіи: архіеп. Антоній одолѣваетъ Свѣтлова, исторически одолѣваетъ, магически одолѣваетъ, волшебно одолѣваетъ. Мы говоримъ — „рокъ“, „судьба“, „fatum“... Способностей у одного не больше, чѣмъ у другого, таланта—не больше. Но Свѣтловъ—раціональный человѣкъ („бѣлый лучъ“), а арх. Антоній—ирраціональный, т.-е. его положеніе ирраціонально, и онъ въ правѣ воскликнуть: „Богъ за меня! Христосъ со мною“.

Въ этомъ все дѣло: *съ которыми* изъ нихъ Христосъ? „Оба такие христіане“... Да, *обои* христіане: а такъ ненавидятъ одинъ другого... „Не миръ принесъ Я на землю, нѣтъ! но—раздѣленіе“.

Приведенное изрѣченіе — типично „флюксивная“, „дифференціальная“, „логаріомическая“ строка въ книгѣ, положившей основаніе всему. При обычномъ